

Михаил Тамоев

ПОЖИРАТЕЛИ СНОВ

2026

Михаил Тамоев
Пожиратели снов

«Автор»

2026

Тамоев М. Ю.

Пожиратели снов / М. Ю. Тамоев — «Автор», 2026

Нордштадт — идеальный город. Никакой преступности, никаких конфликтов, никакой бессонницы. Жители платят налог своими сновидениями, а взамен получают спокойствие и стабильность. Импланты гарантируют, что ни один кошмар не нарушит их покой. Сомнолог Алексей Ветров верит в систему. Он сам участвовал в её создании. Но когда его дочь Кира после плановой процедуры перестаёт улыбаться, рисовать и мечтать, он начинает задавать вопросы. Ответы оказываются чудовищными. Сны не перерабатывают — их пьют. Бессонные, древние существа, тысячелетия питающиеся чужими сновидениями, убили жену Алексея. Теперь очередь Киры. Чтобы спасти дочь, он должен уничтожить Генератор. Даже если это погрузит двадцать миллионов человек в кошмар, от которого они бежали всю жизнь. Выбор между любовью и долгом. Свободой и безопасностью. Сном и явью.

© Тамоев М. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пожиратели снов

Глава

Глава 1. Пробуждение без снов

Сирена пробралась сквозь череп ровно в 6:00.

Алексей Ветров открыл глаза и три секунды смотрел в белый потолок, как делал каждое утро последние пять лет. Никакого ощущения, что только что вернулся из другого мира. Никакой смазанной картинки, никакого послевкусия. Пустота. Будто и не спал вовсе, а просто выключился на шесть часов – как старый компьютер, который никто не удосужился перезагрузить.

Он сел на кровати, потёр переносицу. Имплант за левым ухом привычно запиликал, выводя на сетчатку утреннюю сводку:

«Глубина сна – 98%.

КПД – 0.82.

Налог уплачен в полном объёме.

Хорошего дня!»

Хорошего дня.

Алексей усмехнулся одними уголками губ – этой усмешке его никто не учил, она пришла сама где-то на втором году жизни без Анны. Он натянул форменный серый халат (положен всем сотрудникам Центра Сомнологии) и вышел в коридор.

Квартира пахла тишиной. Раньше здесь пахло кофе и масляной краской – Анна по утрам рисовала, пока Кира собиралась в школу. Они сидели на кухне вдвоём, мать и дочь, и пахло от них не просто красками, а чем-то тёплым, живым, что Алексей так и не научился называть. Теперь кофеварка включалась по таймеру, а краски стояли нетронутыми в дальней комнате уже четыре месяца.

– Кира, – позвал он негромко. – Подъём.

Из спальни дочери – ничего. Только приглушённый гул генератора за стеной, ровный и вечный, как дыхание города. Алексей постучал, потом приоткрыл дверь.

Кира сидела на кровати, поджав колени к подбородку, и смотрела в окно. Ей было четырнадцать, но в этот момент она выглядела на все семьдесят – взгляд тяжёлый, пустой, словно кто-то выключил лампочку за зрачками.

– Ты в порядке? – спросил он, зная, что ответит.

– В порядке, – без интонации сказала Кира. – Процедура вчера прошла штатно.

«Штатно». Она говорила как отчёт. Алексей заметил это месяц назад – дочь перестала использовать слова «нормально» и «хорошо». Только «штатно». Или «без отклонений». Словно сама стала частью генератора.

– Идём завтракать, – сказал он.

Кира кивнула и спустила ноги с кровати. На тумбочке лежал её старый блокнот для рисования – чёрный, потёртый, с оторванным уголком. Алексей знал, что внутри уже полгода нет ни одного нового рисунка. Последний был сделан за день до того, как Кире вживили имплант.

Он никогда не показывал этот рисунок. Но однажды, когда дочь уснула, Алексей заглянул в блокнот. Там была синяя бабочка. Такая же, каких Анна рисовала на полях своих конспектов – она работала учителем рисования в той же школе, где теперь училась Кира.

Бабочка смотрела на него из прошлого, и у Алексея тогда впервые за долгое время заплакало в глазах.

Но он подавил это. Потому что слёзы – это непродуктивно. А в Нордштадте всё должно быть продуктивно.

Он вышел на кухню, достал из холодильника две упаковки синтетического белка. Еда в Городе Генераторов была пресной – специально, чтобы не провоцировать лишних эмоций. Ни острого, ни сладкого, ни горького. Вкус – это переживание, а переживания снижают КПД налога. Так говорили официальные брошюры, которые Алексей когда-то даже не читал, а просто подписывал как сотрудник Центра.

Кира села напротив, механически пододвинула тарелку. Ела она медленно, без аппетита – но это тоже было «штатно». После процедуры потери аппетита фиксировались у 94% подростков. Временное явление, говорилось в инструкции. Организм адаптируется.

Алексей посмотрел на часы. 6:45. До начала рабочего дня в Центре Сомнологии – час пятнадцать. Он решил идти пешком, через Верхний мост. Это дольше, но там можно было пройти мимо старой школы, где когда-то работала Анна. Глупый ритуал, который он никому не показывал.

– Я провожу тебя до школы, – сказал он. – Потом на осмотр.

Кира кивнула, не поднимая глаз. На её пальцах – там, где раньше почти всегда оставалась жёлтая краска (её любимый цвет, цвет солнца, цвет летних каникул), – теперь ничего не было. Ни жёлтой. Ни синей. Никакой.

Улицы Нордштадта встретили их привычным серым светом. Город никогда не видел настоящего солнца – купол, натянутый над мегаполисом ещё сто лет назад, фильтровал ультрафиолет и заодно облака, дожди, снег. Здесь всегда была одна погода: +18, влажность 45%, лёгкая облачность. Климат, оптимизированный для продуктивности.

Люди шли по тротуарам быстро, не сталкиваясь, но и не глядя друг на друга. Импланты прокладывали маршруты, чтобы избежать скоплений. Алексей помнил время (едва-едва, будто чужую жизнь), когда люди на улицах улыбались. Или хотя бы хмурились. Теперь лица были одинаковыми – вежливое отсутствие выражения.

– Смотри, – вдруг сказала Кира.

Она остановилась у витрины магазина, где на голографическом стенде крутилась реклама новых имплантов. «Версия 7.2 – глубина сна до 99%!» – гласил слоган. Ниже мелким шрифтом: «Среднее повышение КПД налога – 12%».

Кира смотрела на стенд без всякого интереса. Просто остановилась – и Алексей понял почему.

На стенде, среди анимированных графиков, мелькнуло изображение девочки. Лет двенадцати. Она улыбалась – широко, по-настоящему, с ямочками на щеках. Рекламный образ, конечно. Но Кира смотрела так, будто узнавала себя. Ту себя, какой она была полгода назад.

– Пойдём, – тихо сказал Алексей и взял её за руку.

Рука была холодной. Не от погоды – от отсутствия жизни.

Школа оказалась такой же серой, как и весь город. Серые стены, серые роботы-охранники у входа, серые ученики, которые строились в шеренги перед звонком. Никто не бегал, не кричал, не смеялся. Алексей проводил Киру до дверей, хотел сказать что-то ободряющее – и не нашёл слов.

– Всё штатно, пап, – сказала Кира, глядя сквозь него. – Увидимся.

И исчезла в потоке одинаковых серых курток.

Алексей постоял секунду, развернулся и пошёл к Центру Сомнологии. Через Верхний мост. Мимо старой школы, где когда-то пахло красками и смехом. Мимо квартиры, где теперь пахло тишиной.

Центр Сомнологии располагался в тени Генератора – пятисотметровой башни, которая перерабатывала сны двадцати миллионов жителей в электричество и социальную стабильность. Генератор гудел постоянно – низко, на грани слышимости, этот гул был такой же частью города, как воздух. Большинство давно его не замечали.

Алексей прошёл через турникет, приложил идентификационную карту. Имплант подтвердил личность, и на сетчатке загорелось расписание:

08:00 – Приём пациентов (кабинет 412)

1. Андреева В., 14 лет. Плановый осмотр после имплантации.

2. Ветрова К., 14 лет. Повторный осмотр. Жалобы на апатию.

Он остановился. Повторный осмотр. Кира была у него на приёме уже второй раз за месяц. Формально он не должен был вести собственного ребёнка – внутренний регламент запрещал, но в Центре не хватало сомнологов, и на это закрывали глаза. Третья статья регламента. «В исключительных случаях родственники могут проводить осмотр при условии видеозаписи».

Алексей знал, что эти записи никто не смотрит. Система работала на доверии. Или на том, что людям просто всё равно.

Он поднялся в кабинет 412, сел в кресло, включил терминал. Первым в списке значилась чужая девочка – Андреева В. Он открыл её карту: имплант вживлён три дня назад. Стандартная процедура. Родители – оба работают на Генераторе. Без особенностей.

– Заходите, – сказал он в динамик.

Дверь открылась, и вошла девочка. Тонкая, светловолосая, с огромными серыми глазами, в которых уже начинала гаснуть та самая искра, которую Алексей видел у Киры полгода назад. Рядом с ней – мать, типичная жительница Нордштадта: идеально ровная осанка, пустой взгляд, стандартная улыбка, которой её научили на курсах «Эффективного родительства».

– Здравствуйте, доктор, – сказала мать. – У нас всё хорошо. Процедура прошла штатно.

– Я хочу спросить у девочки, – мягко перебил Алексей. – Как тебя зовут?

– Вероника, – ответила девочка. Голос ровный, без интонаций.

– Вероника, ты помнишь свои сны после процедуры?

Пауза. Длинная, тяжёлая. Девочка посмотрела на мать, потом на Алексея.

– Нет, – сказала она. – Но это же нормально? Мне сказали, что сны больше не нужны.

– Конечно, не нужны, – вставила мать. – Сны – это непродуктивно.

Алексей хотел возразить. Хотел сказать, что сны – это не только кошмары и хаос, но и творчество, и память, и связь с теми, кого больше нет. Хотел сказать, что именно в снах к нему иногда приходила Анна – просто постоять у кровати, улыбнуться, покачать головой, будто спрашивая: «Ну что, Алёша, как ты без меня?»

Но он не сказал.

Потому что он был хорошим сотрудником. Потому что слёзы – это непродуктивно. Потому что через два часа начнётся приём, и он забудет эту девочку, как забывал сотни других, пока однажды не пришла его собственная дочь.

Он ещё не знал, что Вероника Андреева – это не просто случай.

Он ещё не знал, что через несколько часов на приём войдёт Кира и спросит то, что никто никогда не спрашивал.

А пока он улыбнулся стандартной улыбкой (обучен на курсах «Эффективного сомнолога») и сказал:

– Всё в порядке. Следующий.

Глава 2. Обычный день в Городе Генераторов

Следующие два часа слиплись для Алексея в однообразную ленту серых лиц, одинаковых жалоб и стандартных ответов.

Пациенты приходили и уходили, как фигурки в конвейере. Женщина сорока лет с жалобами на бессонницу – после вживления импланта она спала по восемь часов, но просыпалась разбитой. Алексей объяснил, что это норма: тело привыкает к отсутствию сновидений, адаптация займёт от двух до четырёх недель. Мужчина тридцати пяти лет, инженер на Генераторе, пожаловался, что перестал чувствовать вкус еды. Тоже норма. Вкус – это эмоция, эмоции снижают КПД. Мальчик одиннадцати лет, которого привела бабушка, сказал, что ему снятся кошмары. Алексей уточнил: до процедуры или после? После, ответил мальчик. Это невозможно, мягко сказал Алексей. После процедуры сны не снятся в принципе. Мальчик посмотрел на него странным взглядом и замолчал. Бабушка извинилась: внук просто фантазёр, у него всегда было богатое воображение. Они ушли, и Алексей выдохнул.

Он знал, что мальчик не врал. Иногда импланты давали сбой – один на несколько тысяч случаев. В таких людях просыпалась старая, дикая способность видеть сны, и они сходили с ума, потому что не могли отличить явь от выдумки. Их отправляли в Перерабатывающий Центр, откуда никто не возвращался. Алексей не стал ничего говорить бабушке. Он просто внёс в карточку мальчика пометку: «Наблюдение. Возможны галлюцинации». Через месяц ребёнка всё равно вызовут на внеплановую проверку, и если сны не исчезнут – его заберут. Алексей подумал об этом ровно три секунды, пока заполнял отчёт, и выбросил из головы. Иначе он не продержался бы здесь и недели.

В перерыве между приёмами он вышел в коридор, купил в автомате стакан синтетического кофе. Вкус напоминал тёплую воду с горьким привкусом химии – специальная формула «Бодрость-М», одобренная Департаментом Здоровья. Он пил мелкими глотками, глядя в окно на Генератор.

Башня возвышалась над городом, как игла, воткнутая в небо. Её поверхность была гладкой, зеркальной – ни окон, ни дверей, ни намёка на то, что внутри кипит жизнь. Точнее, не жизнь – переработка. Сны двадцати миллионов людей стекались в Генератор по невидимым каналам, превращались в электричество, в тепло, в стабильность. Алексей знал, как это работает: имплант считывает быстрые фазы сна, упаковывает сновидения в цифровые пакеты и отправляет на Центральный Узел. Там специальные алгоритмы сортируют сны по категориям: кошмары идут на питание уличных фонарей (высокая энергетическая плотность), спокойные сны – на обогрев жилых кварталов, творческие, яркие – на личные нужды Бессонных. Последнее было государственной тайной, но Алексей, как сомнолог с допуском, знал чуть больше, чем обычные жители. Например, он знал, что лучшие сны никогда не возвращаются. Их не превращают в электричество. Их потребляют.

Он допил кофе, смял стаканчик и выбросил его в утилизатор. Автомат вежливо пискнул: «Спасибо за продуктивность!»

– Ветров, – окликнул его голос сзади.

Алексей обернулся. В конце коридора стояла Наталья Корсакова, его коллега и по совместительству начальница отдела клинических исследований. Высокая, худая женщина лет пятидесяти, с лицом, которое никогда ничего не выражало. Поговаривали, что она отключила свой имплант от эмоционального модуля – то есть добровольно отказалась от способности чувствовать страх, радость, гнев. В Городе Генераторов это не запрещалось, но и не афишировалось.

– Я смотрела твой график, – сказала Наталья, подходя ближе. – У тебя сегодня повторный приём дочери.

– Да, – кивнул Алексей. – В одиннадцать.

– Ты отдаёшь отчёт, что это конфликт интересов?

– Третья статья регламента допускает исключения.

– Третья статья, – Наталья почти улыбнулась – на её лице это выглядело как лёгкий спазм левой щеки, – написана для того, чтобы прикрывать задницы вроде твоей. Если с Кирой что-то пойдёт не так, комиссия спросит с меня. А я не хочу отвечать за чужого ребёнка.

– Она не чужой, – тихо сказал Алексей.

– Тем хуже.

Наталья развернулась и ушла, оставив после себя запах синтетических духов – «Све-жесть-У», единственно разрешённый аромат для сотрудников Центра. Алексей проводил её взглядом и вернулся в кабинет.

На часах было 10:47. До прихода Киры оставалось тринадцать минут.

Он открыл её медицинскую карту. Она хранилась на защищённом сервере, но Алексей знал пароль – тот же, что и у всех сомнологов, – а двойная аутентификация отключалась, если вход производился из кабинета 412. Система доверяла ему. Или просто не замечала.

Карта пациента: Ветрова Кира Алексеевна. Возраст: 14 лет. Дата имплантации: 187 дней назад. КПД налога (средний): 0.79. Жалобы: апатия, потеря аппетита, отсутствие интереса к хобби, нарушение краткосрочной памяти. Примечания: мать умерла (авария, 6 лет назад). Пациентка демонстрирует признаки «синдрома пустого сновидения» – редкое осложнение, при котором имплант выкачивает не только новые сны, но и старые воспоминания, разрушая личностный стержень. Прогноз: неблагоприятный. Рекомендовано: углублённая процедура.

Алексей перечитал последнюю строчку три раза.

Углублённая процедура.

Он знал, что это значит. Если обычный имплант крадёт только текущие сны, оставляя человеку память о прошлом, то углублённый режим выкачивает всё – детские воспоминания, образ матери, запах краски, звук смеха. Через месяц после такой процедуры пациент превращается в идеального гражданина: никаких лишних эмоций, никаких привязанностей, никаких вопросов. Только выполнение команд и уплата налога.

Киру отправляли на углублённую процедуру.

Алексей закрыл карту и уставился в стол. Деревянная столешница была исцарапана – предыдущие сомнологи оставляли пометки ногтем, на память. Кто-то написал «Спасите», кто-то – «Это не работает», кто-то просто провёл глубокую борозду, будто пытался вырваться наружу. Алексей никогда не оставлял пометок. Он был хорошим сотрудником.

Но сейчас он провёл пальцем по столешнице и оставил первую царапину.

– Заходите, – сказал он в динамик, не глядя на дверь.

Она вошла бесшумно, как всегда в последнее время. Серая школьная куртка, серые брюки, серое лицо. Только волосы – русые, с рыжеватым отливом, доставшиеся от Анны, – выделялись на общем фоне. Кира села на стул для пациентов, положила руки на колени и уставилась в точку над левым плечом Алексея.

– Привет, пап, – сказала она. Без интонации. Без тепла.

– Привет, Кира, – ответил он. – Как дела в школе?

– Штатно.

– Что проходили?

– Ничего.

– Кира.

Она перевела взгляд на него. В её глазах была пустота, но не та, что у взрослых – привычная, удобная, выученная. У Киры пустота была живая. Она двигалась за зрачками, как рыба в аквариуме, и иногда, на долю секунды, в ней проскальзывало что-то похожее на страх.

– Я видела сон, – вдруг сказала она.

Алексей замер.

– Это невозможно, – сказал он осторожно. – Имплант блокирует быстрые фазы. Ты не можешь видеть сны.

– А я видела, – повторила Кира. – Не прошлой ночью. Позавчера. Имплант запищал в три утра, я проснулась, и он показывал ошибку. А потом я снова уснула, и мне приснилась мама.

– Кира...

– Она стояла на кухне и рисовала бабочек. Синих. Таких же, как в том блокноте. Я хотела к ней подойти, но не могла пошевелиться. А она обернулась и сказала: «Ты слишком быстро растешь, малышка». И улыбнулась.

У Алексея пересохло во рту. Он знал, что это невозможно. Импланты нового поколения имели тройную защиту от прорывов сновидений. Вероятность ошибки – одна на миллион. Но он также знал, что мальчик сегодня утром не врал. И что Кира никогда не выдумывала истории про мать. После смерти Анны она вообще перестала говорить о ней вслух – только рисовала. А теперь и рисовать перестала.

– Ты кому-нибудь говорила об этом? – спросил он.

– Нет, – Кира покачала головой. – Ты же знаешь. Если узнают, что имплант не работает, меня отправят в Перерабатывающий.

Она сказала это так спокойно, будто речь шла о походе к стоматологу. Алексей сжал кулаки под столом так, что костяшки побелели.

– Кира, слушай меня внимательно, – сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Ты никому не говоришь об этом сне. Ни подругам, ни учителям, ни тем более сотрудникам Центра. Если на очередном осмотре они спросят про сны, ты отвечаешь, что ничего не помнишь. Поняла?

– Поняла.

– Повтори.

– Я ничего не помню. Мои сны пусты. Я штатный гражданин.

Она произнесла эту фразу, как выученный урок, и Алексею стало страшно. Не от того, что она врала. От того, что она врала слишком хорошо. Слишком гладко. Слишком похоже на правду.

– Пап, – Кира посмотрела ему прямо в глаза, и впервые за долгое время в её взгляде мелькнуло что-то живое. – А тебе снятся сны?

Вопрос застал его врасплох. Алексей открыл рот, закрыл, снова открыл. Сны? Ему? Он был сомнологом, он знал механизмы работы имплантов лучше, чем кто-либо. Его собственный имплант был вживлён одним из первых, десять лет назад, в рамках добровольной программы для сотрудников Центра. С тех пор он не видел ни одного сна. Или видел, но не помнил. Разве это не одно и то же?

– Нет, – сказал он наконец. – Мне не снятся.

– Жалко, – сказала Кира.

Это слово – «жалко» – прозвучало так по-человечески, так нештатно, что у Алексея защемило сердце. Он хотел обнять дочь, прижать к себе, сказать, что всё будет хорошо, что они что-нибудь придумают, что он не позволит отправить её на углублённую процедуру. Но вместо этого он услышал собственный голос, холодный и профессиональный:

– Осмотр окончен. Результаты в норме. Следующий.

Кира встала, поправила куртку и вышла, не обернувшись. Дверь закрылась за ней с тихим шипением пневматики.

Алексей сидел неподвижно три минуты. Потом открыл её карту, нашёл раздел «Углублённая процедура» и нажал кнопку «Отложить». Система запросила причину. Он написал: «Требуется дополнительное наблюдение. Клиническая картина неполная».

Ложь. Полная, отвратительная, необходимая ложь.

Он знал, что это лишь отсрочка. Через месяц комиссия пересмотрит дело, и если Кира не покажет улучшений – а она не покажет, потому что никаких улучшений не будет, потому

что «синдром пустого сновидения» неизлечим, – её всё равно заберут. Единственный способ спасти дочь – найти то, чего не существует. Способ вернуть украденные сны.

Алексей посмотрел на экран, где горел список пациентов на вторую половину дня. Восемь фамилий. Восемь серых лиц. Восемь историй, которые заканчиваются одинаково.

Он закрыл список, открыл защищённую базу данных Центра – ту, куда имели доступ только сомнологи первого уровня, – и начал искать.

Он искал записи пациентов, у которых имплант давал сбой. Тех самых, кого отправляли в Перерабатывающий Центр. Их карты хранились в отдельной папке с грифом «Уничтожить через 10 лет». Алексей никогда раньше не открывал эту папку. Теперь открыл.

И замер.

Среди сотен фамилий, дат и заключений он увидел то, что заставило кровь отхлынуть от лица. Фамилия, знакомая до боли. Имя, которое он надеялся никогда больше не увидеть в официальных документах.

Ветрова Анна Павловна. Причина смерти: не установлена. Дата последнего осмотра: за 3 дня до аварии.

Анна умерла шесть лет назад. Её сбил беспилотный автобус на переходе – нелепая случайность, трагедия, с которой Алексей так и не смирился. Но в карте, которую он сейчас держал перед глазами, не было ни слова об автобусе. Там было другое.

Рекомендовано: углублённая процедура. Статус: выполнено за 48 часов до инцидента.

Алексей смотрел на экран и не мог дышать.

Анне сделали углублённую процедуру. За два дня до того, как она вышла на переход и шагнула под колёса автобуса, который, как теперь понимал Алексей, вообще не должен был там оказаться.

Она не погибла в аварии.

Её убили.

И теперь то же самое хотели сделать с Кирой.

В кабинете было тихо. Только гул Генератора пробивался сквозь стены – низкий, ровный, вечный. Алексей медленно закрыл базу данных, встал из-за стола и подошёл к окну.

Башня Генератора отражала серое небо. Где-то там, внутри, Бессонные пили чужие сны и смеялись над теми, кто платил налог.

– Я найду вас, – прошептал Алексей в пустоту. – Клянусь Анной. Я найду вас всех.

За его спиной на столе пикинул терминал, выводя на экран следующего пациента.

Алексей не обернулся.

Глава 3. Пропавшая улыбка

Остаток рабочего дня Алексей провёл как в тумане.

Пациенты приходили и уходили, их голоса сливались в однообразный гул, похожий на тот, что издавал Генератор. Он отвечал на вопросы, заполнял карты, ставил подписи – и при этом не помнил ни одного лица, ни одной жалобы, ни одного имени. Всё его сознание было приковано к тому, что он увидел в закрытой базе. Анна. Углублённая процедура. Два дня до «несчастливого случая».

Он прокручивал в голове детали того дня шесть лет назад. Утро. Анна целует его в щёку, говорит, что заберёт Киру из школы. Обычное утро. Ничего необычного. Она улыбалась – помнил ли он её улыбку? Да, помнил. Широкою, тёплого, с ямочками на щеках. Кира унаследовала эту улыбку, но после процедуры она исчезла. Как и сама Анна.

Потом – звонок из больницы. Беспилотный автобус. Ошибка навигации. Полное отсутствие вины водителя – потому что водителя не было. Компенсация от Департамента Транспорта. Похороны. Серое небо. Кира, которая не плакала, потому что не понимала, что случи-

лось. А потом, спустя месяц, она нарисовала синюю бабочку и сказала: «Мама теперь живёт в моих снах». Алексей тогда не придавал этому значения. Дети часто так говорят.

Теперь он знал: Анна действительно жила в снах. И Кириных в том числе. Пока имплант не начал выкачивать их один за другим.

– Доктор Ветров?

Голос вырвал его из размышлений. Алексей моргнул и увидел перед собой медсестру Лену – молодую девушку в сером халате, с таким же серым, как у всех, лицом.

– Последний пациент на сегодня, – сказала Лена. – Вы можете идти домой, я всё закрою.

– Кто пациент? – спросил Алексей, хотя ему было всё равно.

– Девочка-подросток. Внеплановый приём. Направили из школы.

Алексей хотел сказать, что уже закрывает кабинет, что пусть приходит завтра. Но что-то остановило его. Может быть, слово «девочка-подросток». Может быть, взгляд Лены – в нём мелькнуло что-то, чего не должно было быть у штатной сотрудницы. Беспокойство.

– Пусть заходит, – сказал он.

Лена кивнула и вышла. Через минуту дверь открылась, и в кабинет вошла девочка.

На вид – тринадцать-четырнадцать лет. Худенькая, с тёмными волосами, собранными в неаккуратный хвост. Школьная форма сидела на ней мешком – будто она потеряла вес, но родители не успели купить новую. Глаза – большие, карие, с красными прожилками, будто она плакала недавно. Или не спала несколько ночей подряд. Но это было невозможно – имплант гарантировал сон.

– Здравствуйте, – сказала девочка. Голос дрожал, но она старалась говорить твёрдо. – Меня зовут Вероника Андреева.

Алексей напрягся. Андреева. Та самая девочка, что была у него утром на плановом осмотре. Та, у которой «всё штатно». Та, чья мать говорила, что сны больше не нужны.

– Вероника, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Ты же была у меня сегодня в восемь утра. Мы провели осмотр. Всё было в норме.

– Знаю, – Вероника опустила глаза. – Но это не так.

– Что именно не так?

Девочка молчала почти минуту. Алексей не торопил её. Он смотрел на её пальцы, которыми она теребила край куртки, и думал о Кире. О том, как дочь сидела на этом же стуле несколько часов назад и говорила про сон с мамой. О том, как он врал в её карте, чтобы отсрочить углублённую процедуру. О том, что он вообще здесь делает – помогает системе красть детство, мечты, воспоминания.

– Мне снятся сны, – наконец сказала Вероника.

Алексей замер. Второй раз за день он слышал это от пациента. Второй раз за день он знал, что этого не может быть. И второй раз за день он понимал, что реальность гораздо сложнее инструкций и регламентов.

– Расскажи, – тихо сказал он.

– Я не помню, что именно мне снится, – Вероника подняла глаза, и Алексей увидел в них тот самый страх, который мелькнул у Киры. – Я просыпаюсь, и у меня внутри... как будто что-то болит. Не тело. Что-то другое. Мама говорит, что это переходный возраст. Но я знаю, что это не так. Раньше, до импланта, я просыпалась и иногда смеялась. Потому что мне приснилось что-то смешное. А теперь я просыпаюсь и хочу плакать. Но не могу. Понимаете? Я не могу плакать. Слёзы не идут.

– Это побочный эффект, – начал Алексей привычную фразу. – Имплант блокирует эмоциональные центры во время сна, чтобы...

– Я знаю теорию, – перебила Вероника. – Мы проходили это в школе. «Сны – это устаревший механизм обработки информации. Имплант повышает эффективность использования ресурсов мозга на 40 процентов». Я цитирую учебник. Но в учебнике не написано, почему я

перестала чувствовать запах дождя. Почему я больше не радуюсь, когда вижу щенка. Почему я смотрю на своё отражение в зеркале и не понимаю, кто это.

Алексей молчал. Он не знал, что ответить. Потому что она была права. В учебниках не писали про запах дождя. Не писали про радость от щенка. Не писали про отражение в зеркале.

– Вероника, – осторожно сказал он. – То, что ты описываешь, называется «синдромом эмоциональной адаптации». Это временное явление. Со временем твой мозг привыкнет к новому режиму работы, и...

– Вы правда в это верите? – спросила девочка.

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый, как свинцовая плита. Алексей открыл рот, чтобы сказать «да». Потому что он должен был верить. Он был сомнологом, сотрудником Центра, частью системы. Если он перестанет верить, то кем он станет? Предателем? Безумцем? Отцом, который не смог защитить свою дочь?

– Не знаю, – сказал он наконец. – Я не знаю, во что я верю.

Вероника кивнула, будто ожидала этого ответа. Она вытащила из кармана куртки сложенный листок бумаги и протянула Алексею.

– Я нарисовала это сегодня утром, – сказала она. – До этого я не рисовала полгода. Руки сами взяли карандаш. Я не знаю, что это значит.

Алексей развернул листок.

На нём была нарисована бабочка. Синяя бабочка с чёрными прожилками на крыльях. Такая же, какую рисовала Анна. Такая же, какую нарисовала Кира в своём блокноте перед процедурой.

Рука Алексея дрогнула. Он смотрел на рисунок и не мог дышать.

– Откуда ты... – начал он и осекся.

– Что? – спросила Вероника. – Вы узнаете эту бабочку?

– Нет, – слишком быстро сказал Алексей. – Просто... знакомая техника. Где ты научилась так рисовать?

– Нигде. Я вообще не умею рисовать. Но сегодня утром проснулась – и вот. Будто кто-то вложил мне в голову эту картинку.

Алексей медленно положил рисунок на стол. Перед глазами всё плыло. Анна. Кира. Вероника. Синие бабочки. Три девочки, которых система пыталась превратить в пустые оболочки. Одна уже мертва. Вторая на грани. Третья – пока не знает, что её ждёт.

– Вероника, – сказал он, стараясь говорить ровно. – То, что ты мне рассказала, очень важно. Но ты никому не должна об этом говорить. Ни родителям, ни учителям, ни друзьям. Если кто-то узнает, что твой имплант пропускает сны, тебя отправят в Перерабатывающий Центр.

– А что там? – спросила девочка. – В Перерабатывающем?

Алексей хотел соврать. Сказать, что там обычная диагностика, что это просто профилактическая процедура, что бояться нечего. Но он посмотрел в её глаза – карие, живые, ещё не погасшие до конца, – и не смог.

– Не знаю, – сказал он. – Никто оттуда не возвращался.

Вероника побелела. Её губы задрожали, но слёз не было – имплант блокировал и их. Она сидела и смотрела на Алексея, а он чувствовал себя чудовищем. Потому что он сказал правду. Впервые за много лет он сказал пациенту правду. И эта правда убивала.

– Я пойду, – прошептала Вероника и встала.

– Подожди, – Алексей встал следом. – Возьми мой контакт. Если что-то случится – если сны станут сильнее, если почувствуешь, что теряешь себя, – позвони. В любое время. Обещаешь?

Он протянул ей визитку – не служебную, а личную, которую носил в нагрудном кармане на всякий случай. На визитке был только номер телефона и ничего больше.

Вероника взяла визитку, посмотрела на неё, потом на Алексея.

– А вы можете мне помочь? – спросила она.

– Не знаю, – честно ответил он. – Но я попробую.

Девочка кивнула и вышла. Дверь закрылась, и в кабинете снова стало тихо. Только гул Генератора – ровный, вечный, как дыхание города.

Алексей сел на стул и уставился в потолок. В голове крутились обрывки мыслей, воспоминаний, догадок. Анна рисовала синих бабочек. Кира рисовала синих бабочек. Вероника проснулась с синей бабочкой в голове. Три женщины. Одна связь.

Он не знал, что это значит. Но он знал, что это не совпадение.

Он взял телефон и набрал номер, который никто не использовал уже шесть лет. Номер Анны. Он не удалил его, хотя должен был. Он хранил его, как хранил блокнот Киры с синей бабочкой, как хранил старое фото, где они втроём смеются на пляже. Как хранил надежду.

Абонент недоступен.

Он знал. Он знал, что будет занято. Но он всё равно набрал. Потому что больше не мог молчать.

– Анна, – сказал он в пустоту. – Что с тобой сделали? И почему Кира видит твои бабочки?

Телефон молчал. Генератор гудел. Город спал – или то, что осталось от сна после того, как импланты выкачали все сны до последнего.

Алексей встал, взял рисунок Вероники, аккуратно сложил его и положил в карман. Потом вышел из кабинета, прошёл мимо пустых коридоров, мимо спящих роботов-уборщиков, мимо автоматов с синтетическим кофе, мимо плакатов «Сон – это налог. Налог – это свобода».

На улице было темно. В Городе Генераторов никогда не было настоящей темноты – купол подсвечивали миллиарды тусклых лампочек, имитирующих звёзды. Фальшивые звёзды для фальшивой жизни.

Алексей посмотрел на небо и попытался найти хотя бы одну настоящую звезду. Не нашёл.

Дома горел свет в комнате Киры. Он поднялся, открыл дверь и увидел дочь, сидящую на кровати. Она не спала. Смотрела в стену пустыми глазами.

– Пап, – сказала она, не оборачиваясь. – Я сегодня опять видела маму.

– Расскажи, – попросил Алексей, садясь рядом.

– Она стояла на Верхнем мосту. Там, где мы гуляли. И держала в руке синюю бабочку. Живую. Она сказала: «Приведи папу. Мне нужно ему кое-что сказать».

– Что сказать?

– Не знаю. Я проснулась.

Алексей обнял дочь. Она не обняла в ответ – просто сидела, прямая и холодная, как статуя.

– Кира, – сказал он. – Завтра мы никуда не пойдём. Ни в школу, ни в Центр. Мы пойдём на Верхний мост.

– Зачем? – спросила она.

– Встретимся с мамой.

Кира медленно повернула голову и посмотрела на отца. В её глазах впервые за долгое время мелькнуло что-то живое. Не страх. Не надежда. Что-то другое. Что-то, чему у Алексея не было названия.

– Хорошо, – сказала она. – Штатно.

И улыбнулась.

Это была не та широкая, тёплая улыбка, какой она улыбалась раньше. Это была слабая, едва заметная, почти неуловимая тень улыбки. Но Алексей её увидел.

И заплакал.

Впервые за шесть лет он позволил себе заплакать.

Слёзы текли по щекам, а Кира сидела рядом и смотрела на него. Не отворачивалась. Не говорила «не плачь, пап». Просто смотрела.

И в этом взгляде было больше жизни, чем во всех штатных осмотрах за последние полгода.

За стеной гудел Генератор. Но Алексей его больше не слышал.

Он слышал только тишину.

И в этой тишине рождалось что-то новое.

Глава 4. Архивы забытых снов

Ночь прошла без сна – в прямом и переносном смысле.

Алексей не ложился. Он сидел на кухне, перед старым ноутбуком, который хранил на антресоли ещё с тех времён, когда импланты не умели выводить изображение прямо на сетчатку. Экран тускло светился в темноте, освещая его лицо снизу – и делая его похожим на призрака. Может быть, так оно и было. Призрак человека, который пытается вернуть то, что уже потеряно.

Кира уснула – или выключилась – около одиннадцати. Алексей заглянул к ней: дочь лежала на спине, раскинув руки, с открытыми глазами. Это было жуткое зрелище – спать с открытыми глазами, но имплант блокировал не только сны, но и нормальную физиологию сна. Веки не смыкались, зрачки не двигались. Она выглядела как кукла. Как очень живая кукла, у которой вынули батарейки.

Он поправил одеяло, хотя знал, что ей всё равно. И вернулся к ноутбуку.

Теперь он искал.

Защищённая база данных Центра Сомнологии была его рабочей средой. Он знал её архитектуру, уязвимости, обходные пути. Десять лет назад он сам участвовал в её создании – писал протоколы шифрования, тестировал уровни доступа. Тогда он гордился этой работой. Теперь проклинал себя за то, что сделал систему такой надёжной.

Но не настолько, чтобы не оставить чёрный ход.

Он нашёл его на третьем часу поисков – старый, забытый, никем не используемый порт, через который можно было получить доступ к архивам сновидений. Не к картам пациентов – к самим снам. К тем самым цифровым пакетам, которые импланты отправляли на Генератор.

Алексей никогда раньше не заходил туда. Ему не хватало ни допуска, ни любопытства. Но сейчас у него было и то и другое.

Пароль он подобрал с третьей попытки. Дата рождения Анны, перевёрнутая задом наперёд. Система пиликнула, и перед ним открылся архив.

Он ожидал увидеть что-то вроде медицинских записей – сухие графики, статистику, цифры. Но архив сновидений выглядел иначе. Это была бесконечная галерея миниатюр, каждая из которых – чей-то сон. Они двигались, пульсировали, меняли цвета. Красные – кошмары. Синие – спокойные. Зелёные – творческие. Жёлтые – эротические. Тысячи, миллионы, миллиарды миниатюр, каждая из которых была чьей-то жизнью.

Алексей наугад щёлкнул по синей.

На экране развернулось видео. Молодая женщина – лет двадцати пяти, с веснушками и рыжими волосами – сидела на скамейке в парке. Рядом с ней бегал маленький мальчик, около трёх лет, ловил мыльные пузыри. Женщина смеялась. Настоящим, глубоким смехом, от которого на глазах выступают слёзы. Мальчик поймал пузырь, посмотрел на мать и сказал: «Мама, я люблю тебя больше, чем конфеты».

Женщина заплакала от счастья. И мальчик заплакал. И они обнялись.

Алексей смотрел на это и чувствовал, как что-то сжимается у него в груди. Это был не его сон. Это был сон чужой женщины, которую он никогда не видел. Но боль от того, что этот сон украли – у неё, у мальчика, у всех, кто мог бы его увидеть, – была настоящей.

Он закрыл видео и открыл следующее.

Пожилый мужчина играет на скрипке в пустом зале. Музыка льётся такая красивая, что Алексей, который никогда не интересовался классикой, замер. Мужчина закрыл глаза, и его пальцы бегали по струнам с лёгкостью, невозможной в реальности. Потому что в реальности у него не было пальцев. Во сне они были.

Третий сон. Девочка-подросток – примерно как Кира – летит над городом. Под ней раскинулись золотые поля, каких в Нордштадте никогда не было. Она смеётся, раскинув руки, и ветер треплет её волосы. Внизу кто-то машет ей – мама. Та самая мама, которую девочка потеряла два года назад. Во сне она жива. Во сне они вместе.

Алексей закрыл и это видео. Потом открыл следующее. И следующее. И следующее.

Через час у него кружилась голова. Он увидел сотни снов – смешных, страшных, нелепых, прекрасных. Сны о любви, о смерти, о путешествиях, о встрече с кумирами, о разговорах с умершими, о полётах, о падениях, о первых поцелуях, о последних прощаниях. Каждый сон был уникальным. Каждый сон был чудом.

Каждый сон был украден.

Он нашёл фильтр поиска и ввёл: «Ветрова Кира».

Система подумала три секунды и выдала результат: 187 файлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.